

5. Majers Je. Novyj sposob poluchat' moshhnye antibiotiki (URL: https://vk.com/topic-692972_25780992?offset=5060) 23–05–2016.

6. Mendel'son M. Chto esli antibiotiki perestanut dejstvovat' (URL: <http://nv.ua/opinion/mendelson/chto-esli-antibiotiki-perestanut-dejstvovat-130672.html>) 24–05–2016.

7. Moskalyk G. F. Osvita majbutn'ogo: pogljad filosafo // Gileja. – 2016. – Vyp.105 (№2). – S.295–297.

8. Pervogo v mire roboti-advokata prinjali na rabotu (URL: <http://newsland.com/user/4296648049/content/pervogo-v-mire-roboti-advokata-priniali-na-rabotu/5237026>) 16–05–2016.

9. Sajgitov R., Chulok A., Zotin A., Kvasha M. Tehnologii s vital'nym ishodom (URL: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/direction-topics/6192>) 15–2–2016.

10. Sozdany «atomarnye» datchiki, kotorye stanut novym «oknom» v nanorazmernyj mir (URL: https://vk.com/topic-692972_25780992?offset=5060) 23–05–2016.

11. Uchenye smogli «vyrezat'» geny VICH iz DNK zhivyh organizmov (URL: https://vk.com/topic-692972_25780992?offset=5060) 23–05–2016.

Kiryk T. V., Ph.D., Associate Professor, Kiev Medical University of Ukrainian Association of Folk Medicine (Ukraine, Kyiv), kirikt@ukr.net

Society and medicine in the XXIst century: the philosophical analysis of the new phenomena and contradictions

Media do not indicate problems of mankind in the long run, and ways to overcome crises. The gap between the laws of the development of medical practice and other areas of socio-economic activities is considered. Possible changes in medicine and medical education in the light of the main trends of social evolution in the XXIst century are investigated. It was noted that medical schools require an enabling environment for the use in the activity of the latest discoveries in the sciences and medicine.

Keywords: social crisis, the progress of the sciences, medicine and the market, progress in medicine, the development of national medical education in the XXIst century.

Kiryk T. V., кандидат педагогических наук, доцент, Киевский медицинский университет Украинской ассоциации народной медицины (Украина, Киев), kirikt@ukr.net

Общество и медицина в XXI веке: философский анализ новых явлений и противоречий

СМИ не указывают проблемы человечества в долгосрочной перспективе и пути преодоления кризисов. Рассмотрен разрыв между законами развития медицинской практики и другими сферами общественно-экономической деятельности. Исследованы возможные изменения медицины и медицинского образования в свете основных тенденций общественной эволюции в XXI в. Отмечено, что медицинские ВУЗы требуют благоприятных условий для использования в своей деятельности новейших открытий в точных науках и медицине.

Ключевые слова: общественные кризисы, прогресс точных наук, медицина и рынок, прогресс в медицине, развитие национального медицинского образования в XXI в.

* * *

УДК 930.1.

Гнилицкая И. С.,
ассистент кафедры философии,
Харьковский национальный университет
радиоэлектроники (Украина, Харьков),
inessakost@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ИСТОРИИ

Рассматривается трансформация проблемы эпистемологического статуса истории. Автор приходит к выводу, что история институционализировалась под влиянием следующих интеллектуальных тенденций: веры в возможности науки, секуляризации, а так же роста иррационализма. Эти тенденции способствовали формированию представления об объекте исследования историка как социальной реальности прошлого, которая включает в себя не только систему общественных связей, материальной и духовной культуры, но и мыслительные и поведенческие аспекты существования отдельного человека, что не является в строгом смысле научным. Это противоречие и обусловило длительные дискуссии об эпистемологическом статусе истории. Трансформация критериев научности от классического к неклассическому и постнеклассическому образцам не только не сняла это противоречие, но существенно радикализовала его.

Однако, неопределенный эпистемологический статус позволяет истории выполнять сегодня ряд важных общественных функций.

Ключевые слова: эпистемологический статус истории, научная рациональность, историческая наука.

(статья друкується мовою оригіналу)

Вопросы о надежности наших знаний о прошлом, способности историков быть не менее объективными в своих исследованиях, чем ученые-естествоиспытатели, достоверности и значимости исторических объяснений вызывают острые дискуссии с последней трети XIX в. – времени академического оформления исторической дисциплины. Такая длительная неопределенность, по мнению ведущих исследователей, стала одной из предпосылок современного системного кризиса исторической дисциплины [6, с. 253; 10, с. 18]. Соответственно, сегодня проблема эпистемологического статуса истории не только не теряет актуальности, но и приобретает новую остроту.

Проблему эпистемологического статуса истории нельзя назвать неизученной: за время существования истории в качестве академической дисциплины были скрупулезно проанализированы объект исследования историка [15], специфика эмпирического и теоретического базисов исторического знания [14]. Был так же проведен сравнительный анализ познавательных методов и средств, использующихся в исторических и естественнонаучных исследованиях [12, с. 25].

Однако необходимо подчеркнуть, что знание о прошлом рассматривалось вне контекста влияния на его становление интеллектуальной атмосферы. Под исследованием специфики истории подразумевалось выяснение уровня соответствия исторического знания естественнонаучным критериям, однако историчность, изменчивость самих критериев научности фактически не принималась исследователями во внимание, хотя, безусловно, на практике оказывала влияние на формирование знания о прошлом.

Таким образом, представляется актуальным проследить: во-первых, влияние интеллектуальной атмосферы последней трети XIX в. – начала XX в. на формирование объекта истории; во-вторых, выяснить взаимосвязь эпистемологического статуса истории и господствующего на протяжении того или иного периода времени идеала научной рациональности, что и определяет цель настоящего исследования.

Становление истории в качестве научной, институционализированной дисциплины происходит в последней трети XIX – начале XX в. параллельно с другими социогуманитарными науками – политологией, социологией, экономикой, этнологией, психологией и др. [14, с. 15].

Интеллектуальная атмосфера этого периода определялась такими, весьма противоречивыми тенденциями, как безграничная вера в науку и стремление внедрить научный способ познания во все доступные человеку аспекты реальности; секуляризация общественной жизни; а так же неоидеалистическая реакция на натурализм середины XIX в.

Очарованность возможностями научного метода, ставшая следствием головокружительных успехов новоевропейского естествознания XVII – XIX вв. [7, с. 296], способствовала укреплению позиций философии

позитивизма. Философы–позитивисты середины XIX в. подчеркивали, что, поскольку доступная человеческому объяснению реальность – одна, то и логика исследования различных аспектов реальности так же должна быть единой, и попытались вписать области о человеке и обществе (в том числе – о прошлом человечества) в существующую «семью» наук [11, с. 10]. Позитивисты уподобили процессы, происходящие в обществе, процессам, происходящим в природе, и, уверенные в соответствии законов природы и общества, поставили задачу обнаружения вечных и неизменных законов общественной динамики. С помощью этих законов предполагалось не только объяснять прошлое и настоящее, но и предсказывать будущее [11, с. 10–12]. В позитивизме, таким образом, история представляла в качестве науки о закономерностях общественного развития.

Уверенность в тождестве природных и естественных процессов позволила позитивистам существенно «подтянуть» категориально–понятийный аппарат и теоретико–методологическую базу и исторического исследования и создать из области знаний о прошлом институционализированную дисциплину [14, с. 88]. На территорию исторического были внедрен ряд естественнонаучных принципов и методов, организующих и направляющих процесс изучения прошлого. Так, благодаря позитивизму, историки: предпринимают попытку использовать в своих исследованиях научные принципы – принцип истины, конкретности, историзма, объективности, всесторонности, системности, опоры на источники, историографической традиции; начинают использовать общенаучные и специальные методы познания – историко–генетический, историко–сравнительный, историко–типологический, историко–системный, ретроспективный, метод исторической периодизации, метод диахронического анализа, нацеленные на достижение объективного знания; пытаются подчинить изучение прошлого научным целям – собиранию, описанию, анализу, обобщению и объяснению фактов; обнаружению законов развития общества, мышления и познания; систематизации полученных знаний; объяснения сущности явлений и процессов; прогнозированию событий, явлений и процессов; установлению направлений и форм практического использования полученных знаний.

В целом, благодаря вкладу позитивистов, объектом пристального интереса историков становятся экономическая и политическая сферы общественной жизни, тогда как мечты и порывы отдельного человека, «заброшенного в историю» объявляются ненаучными. История предстает как наука о закономерностях общественного развития прошлого, понимаемого в качестве механического и прямолинейного.

Однако вера в познавательные возможности научного метода была не единственной тенденцией, определившей интеллектуальный климат последней трети XIX – начале XX в. Не меньшее влияние на становление исторической дисциплины оказала секуляризация общественной жизни.

Падение уровня доверия к традиционным религиозным концепциям, ставшее особенно ощутимым во второй половине XIX в., обусловило необходимость поиска такой области знания, которая переняла бы на себя общественные функции религии [7, с. 296]. Этой областью судилось стать истории, во многом потому, что со времен Геродота

историков интересовали мотивы человеческих действий – традиционное поле внимания священнослужителей. Для западных интеллектуалов второй половины XIX ст. история стала «религией нашего времени» [20, с. 8.]. В исторической науке видели потенциал, позволяющий усовершенствовать религиозные концепции человека и мира, используемые в общественных делах ранее, а так же способность дать ответы на самые злободневные вопросы XIX в. [2, с. 26–28].

Светские историки, трансформируя традиционную цель религии: спасение индивида, и тем самым – излечение общества, поставили задачу разработать и внедрить проект идеального общественного строя [11, с. 12]. Претендуя на место религии, история, таким образом, унаследовала ее функции – воспитания и социализации индивида путем прививания ему определенных правил и навыков поведения, а так же создания и обоснования норм общественного поведения [2, с. 26–28]. Однако реализация этих функций требовала от историков, во–первых, «возвращения» в историческую дисциплину отдельного человека, способного стать примером для остальных, а во–вторых, руководства концепцией личности, если и признающей детерминацию человеческих действий, то только от высших, общечеловеческих ценностей, что идет в разрез с позитивистским проектом.

Таким образом, секуляризация общественной жизни способствовала расширению сферы исследовательского интереса ученого–историка за пределы закономерностей исторического процесса, к отдельным историческим личностям, их целям, ценностям, мотивам и результатам действий.

Еще одной интеллектуальной тенденцией, оказавшей влияние на формирование истории, стала неоидеалистическая реакция на натуралистическую парадигму середины XIX в. Она проявилась в укреплении позиций иррационализма в философии второй половине XIX – начале XX в. В это время были открыты новые глубины сознания, а именно подсознание в разных его видах: будь то классовый интерес, воля к власти или подавленные желания. Как отмечает Н. И. Копосов, «в результате работ Маркса, Ницше и Фрейда произошло грехопадение разума, который перестал казаться инструментом, самой природой предназначенным для объективного познания» [7, с. 297]. Соответственно, человеческие действия и мыслительные акты стали пониматься в качестве непрозрачных, неподдающихся строгому рациональному объяснению. Получила очертания идея о том, что механизмы сознания принципиально отличны от механизмов, «запускающих» природу, а значит, если на территории исторического и действуют какие–то закономерности, то они функционируют по совершенно отличным от естественнонаучных принципам. Несопоставимость исторического знания со знанием естественнонаучным попытались обосновать представители школы историзма – В. Дильтей, Г. Зиммель, Г. Риккерт и др. Они показали, что естественные науки изучают мир, «чуждый человеку», противопоставленный, противоположенный ему. Единственным способом познания этого мира является конструирующая деятельность рассудка, формирующая категориальный аппарат, пригодный для объяснения этой внешней по отношению к человеку реальности [3, с. 134]. Науки же о духе, в частности история,

изучают «внутреннюю реальность» человека, к которой необходимо применение особого методологического инструментария. Так, понимание исторических событий достигается путем «сопереживания», «вживания», «вчувствования» и других иррациональных приемов, не могущих быть переведенными в рациональные понятия [4, с. 140].

Таким образом, под влиянием иррационалистических тенденций, укрепилось понимание истории не как исследующей закономерности общественного развития, но как изучающей индивидуальные, неповторимые моменты жизни человека прошлого. Сформировалась понимание исторической науки, альтернативное позитивистскому.

Тенденции, определившие интеллектуальный климат последней трети XIX – начале XX в. способствовали предельному расширению границ объекта, исследуемого историками. К началу XX в. объект истории стал определяться предельно широко, в качестве социальной реальности прошлого, в которую вошли: система личности, охватывающая мыслительные и поведенческие аспекты существования человека; система общественных связей; система материальной и духовной культуры [14, с. 123]. Таким образом, человек как эмоциональное, волящее существо, подверженное мукам выбора, «проник» в историческую науку – объектом исследования историка стала реальность прошлого в ее человекообразном измерении.

Это обстоятельство обусловило формирование и развитие двух параллельных стратегий исторического познания: сциентистской, базирующейся на желании придать истории «естественнонаучный» вид и апеллирующей к общественным структурам, и антисциентистской, основанной на стремлении сохранить фигуру человека, заброшенного в историю [1, с. 41]. Представляется, что наличие нескороенных противоречий между двумя этими стратегиями и послужило предпосылкой для дальнейших непрекращающихся дискуссий об эпистемологическом статусе истории.

Анализируя ход и содержание этих дискуссий, можно констатировать, что их сущностное содержание в тот или иной период соотносится с периодами господства того или иного идеала рациональности. Так, дискуссии начала XX в. – 1940–х гг. основывались на рефлексии критериев научности, сформированных на базе классического идеала рациональности. В классическом идеале рациональности предлагались следующие линии демаркации научного знания от ненаучного. Научным считалось знание, направленное на обнаружение объективных законов природы, общества, мышления и познания; знание, нацеленное на достижение объективной истины (причем под объективностью понималось соответствие знания своему объекту); знание, ориентированное на изменение окружающей действительности и управление ролевыми процессами; знание строго доказуемое, оперирующее обоснованными результатами и достоверными выводами, а так же знание, полученное в результате применения постоянной методологии и специальных материальных средств, используемых для исследования и образующее целостную систему понятий, теорий, гипотез, законов, закрепленных в языке [16, с. 253]. На территории исторической дискуссии развернулись по

каждому из пунктов: познания прошлого таким, каким оно было на самом деле, возможности обнаружения и функционирования законов исторического развития, реализации прагматической функции истории, применения естественнонаучной методологии, существования в историческом знании эмпирического и теоретического базисов [11, с. 111]. Результатом этих дискуссий можно считать признание исследователями того обстоятельства, что классические критерии научности не соответствуют специфике исторической дисциплины, являясь для нее слишком «жесткими» [14, с. 112].

В середине XX в. произошел переход от классического к неклассическому типу рациональности. В неклассической рациональности были постулированы понимание объективности не как объективности, а как intersubjectивности; осуществлена замена поиска законов на поиск закономерностей; произошло признание относительности истины, получила обоснование возможность параллельного существования различных конкретных теоретических обобщений, в каждом из которых может содержаться момент объективно–истинного знания [16, с. 311].

Смягчение критериев научности обусловило возможность обоснования особого эпистемологического статуса истории на том основании, что она имеет в своем распоряжении сходные с естественнонаучными теоретические знания, но не полные и логически не выверенные [15, с. 17]. Однако, с укреплением позиций неклассического идеала рациональности, дискуссии об эпистемологическом статусе истории не только не утихли, но вышли на новый уровень. Смягчение критериев научности спровоцировало усиление позиций сторонников «антисциентистского» образа исторической дисциплины, попытавшихся на основании того обстоятельства, что ученый–историк всегда конструирует некий образ прошедшего, представить историю в качестве рода литературы [18, с. 24]. В 1950–х – 1970–х гг. историками и философами истории обсуждались возможность существования на территории исторического теоретического знания и функционирования научных объяснений [13, с. 8], однако и в этих дискуссиях так же не было достигнуто единой позиции.

Выход из тупика в попытках создать из истории научную дисциплину, наметился со становлением постнеклассической рациональности. Произошедшее в указанном типе рациональности признание неразрывной связи субъекта и объекта познания; еще большая трансформация идеала объективности в сторону intersubjectивности; отказ от претензий на достижение абсолютной истины и построения исчерпывающих систем; внедрение принципа дополнительности; перенос внимания с изучения общих закономерностей на изучение уникальных объектов, формирование представления о законе не как жесткой причинно–следственной связи, а как локальной регулярности; признание невозможности точных предсказаний развития системы в любой точке ее существования; синтез описательных и объяснительных стратегий, трансформация познавательных механизмов от объяснения явления к его пониманию, но не в качестве мистической процедуры «вчувствования», а рациональной реконструкции; внедрение процедуры интерпретации данных; включение в когнитивные процедуры этических категорий и ценностных ориентиров

[16, с. 380] способствовали тому обстоятельству, что предметность, инструментарий и даже цели естественнонаучных и гуманитарных дисциплин стали «не столь разнонаправлены, и уж во всяком случае, вполне соотносимы» [9].

Если в классической рациональности между историей и естественными науками проходила «берлинская стена», и историки, несмотря на большой соблазн приобщиться к настоящей науке, не могли самостоятельно разрушить эту стену, то со становлением неклассической и особенно постнеклассической рациональности брешь в ней пробили сами естествоиспытатели. С формированием синергетики, по мнению многих специалистов, методология естественных наук существенным образом мигрировала в сторону гуманитаристики – исследование уникальных объектов и формулировка обобщений больше не противопоставляется в самом естествознании [21, р. 24].

Дискуссии 1990 – начала 2000-х гг. об эпистемологическом статусе истории отражали рефлексии историков касательно возможности применения по отношению к обществу прошлого идеи о сложноорганизованных системах и специфике их развития. Сторонники «сциентистского» образа истории ратовали за понимание истории как системы событий и процессов, поведение которой, подобно другим системам, подчинено определенным законам и правилам. В зависимости от них исторический процесс может развиваться либо линейно (нехаотично), либо нелинейно (хаотично), но в любом случае останется детерминированным в хаосе [23, р. 70; 20, р. 25; 22, р. 50].

Сторонники же «антисциентистского» подхода подчеркивали, что рассмотрение общества как системы демонстрирует естественнонаучный взгляд, так как подразумевает взгляд извне: так ботаник наблюдает за ростом растения, метеоролог – за погодой и т.п., однако историк не может отделить себя от человечества прошлого. В истории, как и в других гуманитарных науках, главным элементом является человек, его деятельность и мотивации, а так же поступки, которые не могут быть полностью рационально объяснены [17, с. 251].

Таким образом, дискуссии об эпистемологическом статусе истории в конечном итоге сводятся к спору о том, детерминировано ли поведение человека внешней средой, или же человек, в отличие от других природных объектов, является свободным в своих действиях в каждый момент своей жизни. Смягчение критериев научности от классического к неклассическому и постнеклассическому образцу только радикализовало спор, предпосылки которого были заложены еще в период институционализации истории. Несмотря на современные «вызовы» пост- и трансгуманизма [8, с. 4; 6, с. 184–185], однозначный ответ на вопрос о природе человека все еще не дан. И пока этот вопрос окончательно не решен, между историей и естествознанием остается последний барьер. История ценной своей научной репутации по-прежнему балансирует между сциентистским и антисциентистским направлением, что позволяет ей выполнять ряд функций, сегодня приобретающих все более важное общественное значение.

Список использованных источников

1. Вжозек В. Історія – Культура – Метафора. Постановня некласичної історіографії [Текст] / В. Вжозек. – К., 2012.
2. Вілсон Б. Соціологія релігії [Текст] / Б. Вілсон. – Київ, 2002. – 343 с.

3. Дильтей В. Категории жизни [Текст] / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1995. – №10. – С.129–143.

4. Дильтей В. наброски к критике исторического разума [Текст] / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1988. – №4. – С.135–152.

5. Доманська Е. Історія та сучасна гуманітаристика [Текст] / Е. Доманська. – Київ, 2012. – 263 с.

6. Зверева Г. И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX в. [Текст] / Г. И. Зверева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 1999. – №1. – С.250–266.

7. Копосов Н. Е. Как думают историки. Критика социальных наук [Текст] / Н. Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.

8. Лекторский В. А. Возможны ли науки о человеке // Наука глазами гуманитария [Текст] / В. А. Лекторский. – М., 2005. – С.3–15.

9. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? [Текст] / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2004. – №3.

10. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования [Текст] / А. В. Лубский. – М., 2005. – 339 с.

11. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в. Выпуск II. Становление «новой исторической науки» [Текст] / Б. Г. Могильницкий. – Томск, 2003. – 178 с.

12. Розов М. А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания. Проблема методологического изоморфизма [Текст] / М. А. Розов // Наука глазами гуманитария. – М., 2005. – С.23–58.

13. Рузанкина Е. А. Неклассический идеал научности в исторической науке [Текст] / Е. А. Рузанкина. Автореф. дисс... к.ф.н. – Новосибирск, 2005. – 16 с.

14. Савельева И. М., Полетаев А. В. История как теоретическое знание [Текст] / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2000. – Вып.3. – С.15–33.

15. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания [Текст] / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб., 2007. – 512 с.

16. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия [Текст] / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб., 2009. – С.249–295.

17. Топольский С. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної наративу [Текст] / С. Топольський. – К., 2012.

18. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX ст. [Текст] / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – 528 с.

19. Kosellek R. Wozu noch Historie? [Text] / R. Kosellek // Historische Zeitschrift. – 1971. – Bd. 212. H. 1. S. 8.

20. McCloskey D. N. History, Differential Equation, and the Problem of Narration [Text] / D. N. McCloskey // History and Theory. – 1991. – P.21–36.

21. Prigogine I., Stengers I. La Nouvelle Alliance [Text] / I. Prigogine, I. Stengers. – Gallimard, Paris, 1979.

22. Reisch G. Scientism Without Tears: A Reply to the Roth and Ryckman [Text] / G. Reisch // History and Theory. – 1995. – №1. – P.45–58.

23. Shermer M. Exorcising Laplace's Demon: Chaos and Antichaos [Text] / M. Shermer // History and Theory. – 1995. – №1. – P.68–77.

References

1. Vzhozek V. Istorija – Kultura – Metafora. Postannya neklasičnogo istoriografiji [Tekst] / V. Vzhozek. – K., 2012.

2. Vilson B. Sotsiologiya religiyi [Tekst] / B. Vilson. – Kiyiv, 2002. – 343 s.

3. Diltey V. Kategorii zhizni [Tekst] / V. Diltey // Voprosyi filosofii. – 1995. – №10. – S.129–143.

4. Diltey V. Nabroski k kritike istoricheskogo razuma [Tekst] / V. Diltey // Voprosyi filosofii. – 1988. – №4. – S.135–152.

5. Domanska E. Istoriya ta suchasna humanitaristika [Tekst] / E. Domanska. – Kiyiv, 2012. – 263 s.

6. Zvereva G. I. Obrashchayas k sebe: samopoznanie professionalnoy istoriografii v kontse XX v. [Tekst] / G. I. Zvereva // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoy istorii. – M., 1999. – №1. – S.250–266.

7. Kopusov N. E. Kak dumayut istoriki. Kritika sotsialnykh nauk [Tekst] / N. E. Kopusov. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 326 s.

8. Lektorskiy V. A. Vozmozhny li nauki o cheloveke // Nauka glazami gumanitariya [Tekst] / V. A. Lektorskiy. – M., 2005. – S.3–15.

9. Lektorskiy V. A. Vozmozhna li integratsiya estestvennykh nauk i nauk o cheloveke? [Tekst] / V. A. Lektorskiy // Voprosy filosofii. – 2004. – №3.

10. Lubskiy A. V. Alternativnyie modeli istoricheskogo issledovaniya [Tekst] / A. V. Lubskiy. – M., 2005. – 339 s.

11. Mogilnitskiy B. G. Istoriya istoricheskoy mysli XX v. Vyipusk II. Stanovlenie «novoy istoricheskoy nauki» [Tekst] / B. G. Mogilnitskiy. – Tomsk, 2003. – 178 s.

12. Rozov M. A. O sootnoshenii estestvennonauchnogo i gumanitarnogo poznaniya. Problema metodologicheskogo izomorfizma [Tekst] / M. A. Rozov // Nauka glazami gumanitariya. – M., 2005. – S.23–58.

13. Ruzankina E. A. Neklassicheskiy ideal nauchnosti v istoricheskoy nauke [Tekst] / E. A. Ruzankina. Avtoref. diss... k.f.n. – Novosibirsk, 2005. – 16 s.

14. Saveleva I. M. Istoriya kak teoreticheskoe znanie [Tekst] / I. M. Saveleva, A. V. Poletaev // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoy istorii. – M., 2000. – Vyip.3. – S.15–33.

15. Saveleva I. M. Teoriya istoricheskogo znaniya [Tekst] / I. M. Saveleva, A. V. Poletaev. – SPb., 2007. – 512 s.

16. Stepin V. S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Tekst] / V. S. Stepin // Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura. – SPb., 2009. – S.249–295.

17. Topolskiy E. Yak mi pishemo i rozumiemo Istoriyu. Taemitsi istorichnoy narratsiyi [Tekst] / E. Topolskiy. – K., 2012.

18. Uayt H. Metaistoriya. Istoriicheskoe vobrazhenie v Evrope XIX st. [Tekst] / H. Uayt. – Ekaterinburg, 2002. – 528 s.

19. Kosellek R. Wozu noch Historie? [Text] / R. Kosellek // Historische Zeitschrift. – 1971. – Bd. 212. H. 1. S.8.

20. McCloskey D. N. History, Differential Equation, and the Problem of Narration [Text] / D. N. McCloskey // History and Theory. – 1991. – P.21–36.

21. Prigogine I., Stengers I. La Nouvelle Alliance [Text] / I. Prigogine, I. Stengers. – Gallimard, Paris, 1979.

22. Reisch G. Scientism Without Tears: A Reply to the Roth and Ryckman [Text] / G. Reisch // History and Theory. – 1995. – №1. – P.45–58.

23. Shermer M. Exorcising Laplace's Demon: Chaos and Antichaos [Text] / M. Shermer // History and Theory. – 1995. – №1. – P.68–77.

Hnylytska I. S., assistant lectures of the Department Philosophy of Kharkov National University of Radio Electronics (Ukraine, Kharkov), inessakost@gmail.com

To the issue of the epistemological status of the history

The transformation problems of the epistemological status of history is considered in this paper. The author comes to conclusion that the history of institutionalized influenced by the following intellectual tendencies: believe in the possibility of science, secularization, the growth of irrationalism. These trends contributed to a perception of the object of research by historians as the social reality of the past. This reality includes not only public relations system, material and spiritual culture, but also mental and behavioral aspects of the existence of the individual, that is not strictly scientific. This contradiction led to lengthy discussions about the epistemological status of history. The transformation of the criteria of science from classical to non-classical and post-non-classical models, has not only not removed this contradiction, but radicalized it substantially. However, the uncertain status allows epistemological history today perform a number of important public functions.

Keywords: epistemological status of history, Scientific Rationality, historical science.

Гнилицька І. С., асистент кафедри філософії, Харківський національний університет радіоелектроніки (Україна, Харків), inessakost@gmail.com

До питання про епістемологічний статус історії

Розглянуто трансформацію проблеми епістемологічного статусу історії. Автор наголошує, що інституалізація історії відбувалась під впливом наступних інтелектуальних тенденцій: віри в можливості науки, секуляризації суспільного життя, а також зростання ірраціоналізму. Ці тенденції сприяли формуванню уявлення про об'єкт дослідження історика як соціальної реальності минулого, до якої відноситься не тільки система суспільних зв'язків, матеріальної та духовної культури, але й мисленнєві й поведінкові аспекти існування окремих людей, що не є в строгому сенсі науковим. Це протиріччя зумовило догвортивати дискусії щодо епістемологічного статусу історії. Трансформація критеріїв наукового знання від класичного до некласичного і постнекласичного зразків не тільки не зняла це протиріччя, але й істотно радикалізувала його. Але невизначений статус дозволяє історії виконувати сьогодні ряд важливих функцій.

Ключові слова: епістемологічний статус історії, наукова раціональність, історична наука.

* * *

УДК 1+316.774+159.955

Нарядько Г. Я., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и менеджмента социокультурной деятельности, ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» (Украина, Одесса), marlinna@yandex.ru
Карпетров В. В., студент физико–математического факультета, ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» (Украина, Одесса), marlinna@yandex.ru

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАЗВИТИИ ЭЛЕМЕНТОВ ПАНОРАМНОГО МЫШЛЕНИЯ

Рассматривается понятие «панорамное мышление» и исследуется влияние СМИ на его развитие. Актуальность исследования обусловлена необходимостью социально–философского осмысления влияния средств массовой информации в развитии элементов панорамного мышления в обществе. Развитие панорамного мышления – это необходимая реакция личности на возрастание сложности современного мира. Панорамное мышление – это способ мышления, в процесс которого происходит преодоление эволюционной отягощенности человеческого менталитета – узости поля сознания. Панорамное мышление может считаться термином, которое включает в себя мышление других типов в массе людям не свойственное – такое как системное, латеральное, нестандартное, объемное, прорывное, масштабное, полного спектра, параллельное, более чем однотрековое. Приведены признаки и схема панорамного мышления. Указаны этапы воздействия СМИ на общество. Описаны два подхода к проблеме влияния СМИ на мышление. Приведены положительные и отрицательные стороны панорамного мышления в настоящее время. Выявлена одна из главных задач СМИ – информирование при развитии панорамного мышления должно быть направлено на создание логично сознательного, а не эмоционального отношения к тому, что происходит.

Ключевые слова: панорамное мышление, СМИ, узкое мышление, общество, личность.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью социально–философского осмысления влияния средств массовой информации на развитие элементов панорамного мышления в обществе. Развитие панорамного мышления – это необходимая реакция личности на возрастание сложности современного мира.

Комплексным исследованием феномена медиа (в историческом, культурологическом, философском, социологическом, искусствоведческом, педагогических аспектах) занимались ведущие ученые XX века: А. Базен, Р. Барт, Д. Белл, В. Беньямин, М. Маклюэн [5], Ч. Пирс, Д. Соссюр, Л. Мастерман, Ю. Кристева, К. Леви–Стросс, М. Бахтин, Ю. Тынянов, Л. Выготский, Ю. Лотман, В. Библер и др. Эстафету исследований продолжили ученые XXI века: А. Якимович, А. Федоров, Г. Мельник [6], Н. Кириллова, В. Савчук, А. Мацяк, А. Баршполец, Л. Найденова, Г. Мироненко, А. Голубева, В. Резун и др.

В исследованиях Н. Н. Богомолова, Г. В. Грачева, Ю. М. Ермакова, И. А. Ильина, А. П. Назаретяна, Л. К. Мальника, Ю. Я. Шерковина СМИ рассматриваются как формы социально–информационного бытия политической культуры в процессе создания «индустрии производства информации» и становления информационной цивилизации.

В работах Р. Ф. Абдеева, Р. Г. Апресяна, Е. Ч. Андруласа, А. М. Гусейнова, А. В. Лукьянова, Г. А. Тульчинского, В. А. Энтина анализируются процессы общества и СМИ как условных форм коммуникативной деятельности.

Еще одна группа источников социально–философского и социально–психологического характера, затрагивающая